

Было семь законов, которые он нашёл, семь законов, которые должны были создать баланс в повседневной жизни и в том, как мы живём в целом. Эти законы никогда не должны были быть привязаны к людям или наделены магическими способностями бродить по этой земле как живые существа, главным образом потому, что они были созданы вместе со Вселенной миллиарды лет назад. Именно так вся жизнь развивалась и производилась в этом мире. Однако, как только он обнаружил, как передавать одну форму жизни другой, используя безумно сложный набор заклинаний, он понял, что ему понадобятся сосуды, чтобы подтвердить свои теории.

Более того, чем глубже и глубже он погружался в это безумие, тем сильнее оно разъедало его душу, заставляя либо продолжать, либо умереть напрасно. Аббадон не убивал прежние Законы, он создавал их, определенные модели для своих сосудов, только чтобы понять, что такие полномочия могут быть даны только избранным. Аббадон использовал свой собственный дар в магических способностях, называемых магией переноса. Это был крайне уникальный тип магии, который передается только по наследству от семьи, предоставляя обладателю такой магии возможность метафизически создать последовательность частиц, которая может быть прослежена до первоначального происхождения первой магической сущности, которая когда-либо была создана. Предки Аббадона создали человеческие тела для семи грехов, никогда по-настоящему не экспериментируя с Законами, которые связывают наш мир вместе.

Безумие Аббадона привело его к открытию частиц, которые дрейфовали в нашей Вселенной, и связали их с человеческими формами жизни простым прикосновением судьбы, убедившись, что им всем суждено быть вместе. Все это разъедало его собственную душу, требуя сосудов, чтобы продлить его собственную жизнь, пока он не добьется успеха в выполнении своих экспериментов.

Всё это время у него была компаньонка по имени Розетта, которая искренне верила, что всё, что он делал, должно было принести пользу миру. У Розетты была магия судьбы, и она помогала ему на протяжении всего времени. Аббадон и Розетта вычислили тех семерых, которые должны были стать законами, поэтому выбирали в качестве сосудов тех, кто был к ним близок, или просто брали тех, кто случайно оказывался на их пути к достижению цели и идеально подходил для этой роли. В их плане не было никаких случайностей, они продумали всё до мелочей.

Он создал эти комнаты, чтобы завершить свои исследования. Он понял, что настоящие Законы должны быть очень сильными, им необходимо было победить сосуды, чтобы получить силу, необходимую им для выживания в этом мире. Если бы они провалили это испытание, это значило бы, что теории Аббадона ничего не стоят, и семь законов не могут существовать в мире в виде людей.

Аббадон перенёс части своей души в семь индивидуумов, а остальное поместил в стенах разных законов, правильно их распределив.

- Должно быть, я сейчас дал слишком много информации для таких юных особ, как вы, но я обещаю, что вы со временем лучше во всём разберётесь. Тем более что есть и другие люди, которые хорошо осведомлены об этой ситуации. Например, Кальвин Прайд, Теодор Селвис, Драймонд Брайт и ещё несколько человек.

Через мгновение после того, как Атлас услышал это имя, его снова заполнила энергия.

- Драймонд Брайт! Что ты о нём знаешь?!

- Довольно много, и я с удовольствием бы тебе об этом рассказал, но, кажется, последняя стена только что рухнула, а это значит, что моей жизненной силы больше нет, и всё, что у меня осталось, - это несколько минут до моего ухода в чистилище. Мне действительно жаль, что я больше ничего не смогу тебе сообщить.

Чем больше Рина и Атлас обдумывали полученную информацию, тем больше вопросов появлялось в их головах.

Аббадон отвернулся от них, глядя в открытое небо над головой, и сказал:

- Я думаю, что пришло моё время уходить, но не волнуйтесь, это не может быть прощанием навсегда. Хотя я отправляюсь в чистилище, существует возможность моего возвращения, даже если я вернусь не в той же форме. Части моей души больше не поддерживают во мне жизнь, когда я стою здесь в безжизненной духовной форме. Теперь вы - Семь Законов Вселенной, и я не хотел бы узнать, что произойдёт, если, скажем, один из вас будет убит. Однако сейчас это действительно прощание, и я желаю вам всего наилучшего.

Сказав это, он медленно растворился в воздухе. Снег больше не шёл, только лёгкий ветерок переносил его с одного места на другое. Воздух был холодный, но недостаточно, чтобы вызвать переохлаждение.

Боль Атласа стала невыносимой, он понял, что его рука повреждена довольно серьёзно, однако по-прежнему старался скрыть боль. Однако Рина заметила это несмотря на все его попытки и перевязала ему руку куском своей рубашки.

- Спасибо, - сказал Атлас, пока Рина перевязывала руку. Воздух был холодным, и их дыхание оставляло тёплый росток воздуха, входящий в личное пространство друг друга. Когда Рина обернула шину вокруг его плеча, они оба заметили, как близко оказались друг к другу. Их губы были всего в футах друг от друга, когда они смотрели друг другу в глаза. Тишина ночи была единственным звуком, который они могли слышать, вместе с их сердцебиением.

Атлас пристально посмотрел в сверкающие глаза Риной, заметив, что она смотрит на него с такими же намерениями. Губы Риной выглядели мягкими и сочными, несмотря на то, что от холода на них появились маленькие сухие пятнышки. Они вдыхали запах ран и ночных страданий друг друга, игнорируя их, как будто всё и должно было происходить именно так. Ни один из них не осмелился моргнуть, они одновременно закрыли глаза и медленно наклонились вперед, пока не оказались всего в дюйме друг от друга...

- Рина! Атлас! - закричал Картуаджа, прервав их и нарушив воцарившееся молчание. Спустя мгновение он уже подбежал к ним со сверхзвуковой скоростью.

Рина и Атлас отскочили друг от друга и повернулись в сторону, откуда доносился крик Картуаджи, но он уже был возле них и обеими руками обнимал их за плечи.

- Ох... ой, - сказал Атлас как можно вежливее, пытаясь объяснить Картуадже, чтобы тот не трогал его правую руку.

- Ой, чёрт, братан, прости. И я не хотел прерывать вас, ребята...

Атлас и Рина неловко засмеялись, а Картуаджа предложил им обоим дать ему по пощёчине в качестве наказания. Это рассеяло неловкость, и Рина тотчас воспользовалась предложением и довольно сильно ударила его левой рукой.

Она шлёпнула его так жестоко, что он даже упал на пол, а на лице у него остался красный след.

- Ё, я уже жалею, что тебе это позволил. - Картуаджа сделал вид, что ему не больно, хотя на самом деле удар был довольно болезненным.

Они все засмеялись, пока не увидели Кальвина и всех остальных, выходящих из коридора, из которого недавно пришла Рина. Все они подбежали к ним, пока Картуаджа поднимался с земли. Лаена, Фэйбэл и Парис стали обнимать Рину и Атласа, а Лаена даже заплакала от радости, что они живы и невредимы.

Когда Кальвин приблизился к ним, его лицо не выглядело таким же счастливым, как у остальных членов группы. Атлас сглотнул в предвкушении, готовый к любому наказанию, с которым ему придется столкнуться.

- Я рад, что вы в порядке, - сказал Кальвин спокойно, - но, кажется, у вас будут проблемы... Если подумать, что вы покинули школьную территорию и ушли в место, в существовании которого не были уверены. И даже не только сумели выжить, но ещё и остались победителями... - он недоверчиво вздохнул, - ну, это явно будет довольно интересной историей, которую я расскажу завтра за обеденным столом.

Они все вместе засмеялись, и Лео, наконец, пришёл в себя. Он быстро соскочил с плеча Кальвина и увидел, что все смотрят на него, как на воскресшего мертвеца. Он заметил, что, по крайней мере, половина его друзей покрыта порезами, царапинами и кровью. Озадаченный этим видом он сказал:

- Вау, я что-то пропустил?.

<http://tl.rulate.ru/book/51496/1319770>